

Заозерский Н. А. [О сущности церковного права: (По поводу кн.: Зом Р. Церковный строй в первые века христианства / Пер. А. Петровского и П. Флоренского. М., 1906): IV.] Иерархический принцип в церковной организации // Богословский вестник 1911. Т. 1. № 1. С. 63–103 (3-я пагин.). (Окончание.)

Иерархическій принципъ въ церковной организаціи.

Если природа церкви не противна природѣ права—какъ было выяснено ранѣе ¹⁾, а наоборотъ въ божественномъ правѣ церкви находить себѣ усовершенствованіе человѣческое право: то не чуждо ли природѣ церкви начало властвованія—иерархическій принципъ, безъ котораго не мыслима реализація права?

Очень долгое время въ качествѣ непоколебимой догмы не только церковнаго права, но и теологіи вообще, стояло положеніе, что церковная іерархія въ видѣ трехъ степеней есть такое же божественное установленіе, какъ догматы, мораль и культъ, и представляетъ необходимый элементъ въ понятіи церкви: „безъ іерархіи нѣтъ церкви“.

Со времени реформаціи это положеніе начинаетъ подвергаться колебанію, а въ настоящее время энергическому, открытому нападенію по двумъ мотивамъ: а) оно противорѣчитъ новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ первохристіанства, по которымъ оказывается будто бы, что церковная іерархія образовалась *сами собою*, довольно долгимъ историческимъ процессомъ, а никто не учреждалъ ее; б) существованіе особаго класса священства противорѣчитъ ученію христіанства о всеобщемъ священствѣ (мотивъ довольно старый).

Въ качествѣ *научно-исторически обоснованной* предлагается слѣдующая теорія происхожденія церковной іерархіи:

„Царство, для пришествія котораго жилъ, страдалъ и

¹⁾ Богослов. Вѣстникъ 1910, Апрель, стр. 613. О сущности церковнаго права.

умеръ ¹⁾ Спаситель, по Его собственному свидѣтельству, не отъ міра сего. И тѣмъ не менѣе Иисусъ Христосъ знаменуетъ поворотный пунктъ исторіи и для права. Его *ученіе* дало толчекъ къ распаденію единого доселѣ порядка жизни: рядомъ съ государствомъ выступила *церковь*, конечно еще не въ видѣ *Іерусалимской общины*. Правда ея члены тѣсно объединялись подъ руководствомъ Іакова брата Господня не безъ особыхъ установленій („семь“ Дѣян. VI). Но они не отдѣлялись отъ закона и общества іудеевъ, также какъ и остальные вѣрующіе въ іудейской странѣ (сами себя приблизительно до 150 г. называли „святыми“). Іерусалимская община до ея ранней гибели (выселеніе въ Целлу около 68 года) *всегда была общиной духовной*“.

„Исчезновеніе странствующей харизматической миссін даетъ мѣсто для общинныхъ властей, возникновеніе которыхъ происходитъ въ виду одинаковыхъ отношеній и потребностей въ существенномъ одинаково. Корни ихъ восходятъ къ апостольскимъ временамъ; но сколько здѣсь были нехристіанскіе отправные пункты—можетъ быть оставлено въ сторонѣ: такъ какъ оригинальность окончательнаго результата—вѣ сомнѣніи. Изъ христіанъ мѣстности, или округа обыкновенно выдвигается небольшое число первообращенныхъ (1 Кор. XVI, 15) и особенно надежныхъ, въ послѣ-апостольское время еще выдѣлявшихся памятью объ апостолахъ, или просто уваженіемъ за ихъ старость (*πρεσβύτεροι*). Имъ ввѣряется апостоломъ—основателемъ общины (Дѣян. XIV, 23; Тимое. I, 5) высшая забота (*ἐπιβολή*) Филип. I, 1; Дѣян. XX, 28, 1 Петр. V, 1) объ ихъ единовѣрцахъ на мѣстѣ (*προϊστάμενοι* Римл. XII, 8; 1 Θεσσαλ. V, 12) или они сами берутъ на себя руководство (*ἡγούμενοι* Евр. XIII, 7); въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ они пользуются помощью служащихъ братьевъ (*διδάχοι*. Филип. I, 1, *Διδ.* 15). Старѣйшины, усиливая свое выдающееся положеніе (1 Посл. Климентя около 90 г.) становятся *комитетомъ* старѣйшинъ (*πρεσβυτέρων* 1 Тимое. IV, 14), изъ котораго скоро выдѣляются какъ *ἐπιβολοι* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ тѣ, кто въ качествѣ преемниковъ *вымирающихъ* апостоловъ, пророковъ и учителей, *принимаютъ на себя* совершеніе молитвы, прине-

¹⁾ О воскресеніи—умолчаніе.

сеніе жертвы, а постепенно и учение (*Лѡв.* 15, Ермъ., Ср. 1 Тим. V, 17). Точно также мѣстное, христіанское (*ἐκκλησία* въ апостольскомъ словоупотребленіи = союзъ христіанъ и все христіанство) общество, которое и въ послѣапостольское время не включало еще всѣхъ мѣстныхъ христіанъ (Евр. X, 25; Варнава, Ермъ) и во всякомъ случаѣ было составлено *совершенно случайно*, пріобрѣтаетъ юридическое значеніе, благодаря тому, что оно обыкновенно высказывается относительно исключенія (христіанъ) и обратнаго принятія, относительно пріема предстоятелей и проч. (1 Кор. V, 1—4), 2 Кор. I, 23; сл. 2, 5, сл. 7, 12; *Лѡв.* 15) и становится общимъ собраніемъ, представляющимъ данный союзъ и рѣшающимъ съ послѣдствіями для него“.

„Результатъ процесса проникновенія права въ церковь— не община, а форма епископской церкви, сначала во всякомъ случаѣ еще сильно проникнутая примѣсью корпоративнаго элемента. Христіанское общество, живущее во враждебной средѣ, нуждается какъ разъ въ единомъ руководствѣ и начинающаяся теперь *мѣстная миссія* можетъ дѣлать завоеванія только при томъ условіи, если ея нити сойдутся въ однѣ руки. Къ единству ведетъ и развитіе вѣроученія. Нападки язычниковъ юное христіанство побѣждаетъ образцовою жизнію, мужественнымъ исповѣданіемъ своихъ послѣдователей и побѣдной смертью своихъ мучениковъ; противъ подкрадывающейся гибели путемъ внутренняго разложенія посредствомъ философскаго толкованія (гносисъ) оно можетъ имѣть дѣйствительное оружіе только въ простой ссылкѣ на слово Господа и Апостоловъ (новозавѣтный канонъ съ правиломъ вѣры), а тамъ, гдѣ это невозможно, на живой авторитетъ, ведущій свое начало отъ этого слова“.

„По этому на востокъ, гдѣ мыслящее христіанство впервые почувствовало потребность въ ясности вѣры (Посланія Игнатія вскорѣ послѣ 100 г.), появившаяся къ исходу апостольскаго періода идея апостольскаго преемства (въ Римѣ 1 Посл. Климентя) преобразуется и пріобрѣтаетъ практическое значеніе въ томъ смыслѣ, что единый теперь епископъ (*ἐπίσκοπος*; но еще у Иринея и Климентя Александрійскаго также *πρεσβύτερος*), по скольку онъ можетъ возвести свою должность—черезъ непрерывающуюся цѣпь *правомѣрно* поставленныхъ предшественниковъ къ апостоламъ (*ordo episco-*

porum per successionem ab initio decurrens) по этой причинѣ обезпечиваетъ неиспорченное апостольское содержаніе вѣры (*καθολική ἐκκλησία* теперь также—правовѣрующая церковь). Скоро (во всякомъ случаѣ съ 150 г.) Римъ и вообще организованный западъ воспринимаетъ это развитіе, чтобы полнымъ перенесеніемъ въ юридическую область ускорить и укрѣпить его. Такъ какъ и здѣсь внутреннія затрудненія, какъ напр. несвоевременную уже строгость общинъ противъ надшихъ во время гоненія, можно было побѣдить только при томъ условіи, когда въ однѣ руки, которыя могли соединить милосердіе съ твердостью, взяли бразды правленія римскіе епископы (Каллистъ 217—222 и Корнилій 251—253) и Карфагенскій еп. Кипріанъ“¹⁾.

Таковъ процессъ образованія церковной іерархіи. Не трудно различить въ немъ слѣдующіе моменты а) періодъ господства странствующей харизматической миссіи—состояніе близкое къ анархіи; б) выступленіе *старцевъ* съ руководящею общинами ролью; в) комитетъ старцевъ изъ котораго возникаетъ г) единоличный или монархическій епископатъ.

На сколько же сильно эта научная теорія колеблетъ традиционную вѣру церкви въ божественное происхожденіе іерархіи?

Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо взвѣсить на сколько твердо обоснована сама теорія²⁾.

На первый взглядъ она зиждется на весьма твердомъ основаніи: исключительно на письменныхъ памятникахъ первохристіанства, подлинность и сравнительная древность которыхъ провѣрена и установлена научно и историческою критикою. Эти источники слѣдующіе: книга Дѣяній Св. Апостоловъ, Посланія Ап. Павла, не исключая даже пастырскихъ посланій, Посланія Петра и Іакова, 1-е посланіе Климента, Варнавы, Дидахи, Св. Игнатія, Ерма, Иринея³⁾.

¹⁾ У Штурцъ, Церковное право. §§ 1—4, стр. 4—10. Русск. перев. подъ редакціей Е. Темниковскаго. Ярославль 1905.

²⁾ Полное развитіе этой теоріи съ точнымъ указаніемъ научныхъ авторитетовъ, на которыхъ она опирается и обстоятельную ихъ критику представляетъ книга Проф. В. П. Мышцына: Устройство христіанской Церкви въ первые два вѣка. Сергіевъ Посадъ 1909.

³⁾ Евангеліе не вошло въ рядъ письменныхъ источниковъ вѣроятно въ силу того возрѣнія, что ученіе и дѣла Христа стоятъ *вне исторіи*

Достаточны ли эти источники для того что бы только опираясь на нихъ однихъ возсоздать точную исторію факта, рѣшительно противорѣчащую всеобщему церковному преданію?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ съ необходимостію изъ самаго свойства разсматриваемыхъ источниковъ: всѣ они, не исключая и книги Дѣяній, не содержатъ сказаній о происхожденіи іерархіи, а лишь мимоходомъ, отрывочно касаются этого предмета, именно предполагая ее фактически существующею. За недостаткомъ иныхъ источниковъ, конечно и эти отрывочныя данныя цѣнны и тщательное изученіе ихъ для историка обязательно. Имъ провѣряется преданіе: это значеніе ихъ неоспоримо и всегда признавалось Церковію ¹⁾. Но признавать ихъ единственными матеріалами для цѣлаго историческаго построенія значить или совершенно отказаться отъ возможности имѣть его, или же допустить необходимость восполненія ихъ собственнымъ творчествомъ, открыть просторъ разнообразнымъ гипотетическимъ построеніямъ.

Но можетъ ли гипотеза поколебать преданіе?! Но этого мало. Гипотетическій процессъ образованія іерархіи (вышепредставленный) стоитъ въ противорѣчьи и съ тѣми немногими историческими источниками, которые признаются самими творцами гипотезы.

Такъ, въ явномъ противорѣчьи съ ними стоитъ гипотеза анархическаго момента, будто бы составлявшаго первый моментъ церковной исторіи.

Гдѣ и когда былъ такой моментъ? Въ Іерусалимѣ, со дня Пятидесятницы, когда началась благовѣстническая дѣятельность Апостоловъ? Но именно здѣсь-то христіанская община и выступаетъ сплоченною болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь же выступаетъ довольно ясно и та церковная организація которая потомъ становится принятою во всѣхъ остальныхъ об-

образованія видимой церкви и ея іерархіи. Вѣдь „ученіе (и только ученіе) Христа дало лишь толчокъ къ выступленію церкви автономнымъ религиознымъ союзомъ рядомъ съ государствомъ!“

Но на чемъ же основывается такое воззрѣніе?!

¹⁾ Особенно настойчиво эту мысль защищаль св. Кипріанъ Коринѣецкій.

щинахъ: здѣсь весьма замѣтно выдающееся положеніе Іакова брата Господня, преемникъ котораго Сумеонъ сынъ Клеопы прямо называется *епископомъ*, избраннымъ „всѣми“¹⁾, здѣсь выступаютъ „пресвитеры“ вмѣстѣ съ Іаковомъ, апостолами и всею церковію обсуждающими церковные вопросы не только мѣстнаго но и общецерковнаго значенія. Здѣсь получили свое начало діаконы.

Да, въ исторіи іерусалимской церкви анархическаго момента не было.

Не было такого момента въ церквахъ, основанныхъ Ап. Павломъ и Варнавой въ Антиохіи, Листрѣ, Иконіи, Ефесѣ (тамъ были рукоположены пресвитеры (Дѣян. XIV, 23, XX, 28) для каждой церкви).

Единственное исключеніе во всей Апостольской исторіи представляетъ церковь Коринѳская гдѣ, какъ можно судить по 1 посланію Апостола, нѣкоторое время имѣлъ мѣсто безпорядокъ.

И вотъ за этотъ то моментъ, длившійся вѣроятно весьма не долго, цѣпляется теорія и возводитъ его въ общій законъ развитія церковной организаціи.

Въ какой мѣрѣ наученъ такой приемъ съ исторической точки зрѣнія разъясненія излишни.

Но что касается юридическаго значенія этой единственной можно сказать отрицательной инстанціи въ ряду положительныхъ фактовъ апостольской исторіи, то оно дѣйствительно важно, но только не съ той стороны, въ какой оно выставляется историками, а какъ разъ съ противоположной.

Дѣло въ томъ, что періодъ анархіи, или господства странствующей харизматической миссіи выдвигается Зомомъ, а за нимъ и вышеозначенною теоріею не просто какъ историческій моментъ, но какъ моментъ идеальный, какъ моментъ непосредственнаго Богоуправленія, замѣнившійся потомъ го сподствомъ права и іерархіи.

Такъ ли, какъ Зомъ, смотритъ на это состояніе Апостоль Павелъ? Далекъ ли не такъ...

Именно въ 1 посланіи къ Коринѳянамъ Апостоль весьма энергически возстаетъ противъ безпорядковъ церковныхъ,

¹⁾ *Συμῶν τοῦ Κλεοῦ καθίσταται ἐπίσκοπος; προέβητο πάντες ὄντι ἀνεψιῶν τοῦ Κυρίου δεύτερον.* Евсевій, ц. п. III.

поричаетъ раздѣленіе на партіи и глубоко скорбитъ объ этомъ, укоряетъ за непорядокъ и недостойное поведеніе во время совершенія евхаристіи и вечери любви, скорбитъ о томъ, что коринѣяне терпятъ въ своей средѣ блудника, а не принимаютъ мѣръ къ исправленію его и предписываетъ очень энергическую мѣру; укоряетъ за то, что христіане имѣютъ между собою тяжбы и не умѣютъ сьорганизовать собственнаго суда, а обращаются за разборомъ своихъ тяжбъ къ языческому суду, даетъ детальныя наставленія какъ вести церковныя собранія, какъ вести денежныя сборы въ пользу бѣдныхъ. Въ довершеніе всего, едва ли въ какомъ другомъ посланіи Апостоль выставяетъ свое властное положеніе въ церкви, съ такою энергіей, какъ именно въ посланіи къ Коринѣянамъ, напр. въ слѣдующихъ словахъ: „сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ безщадно сотворю по власти, юже Господь далъ ми есть въ созиданіе, а не на раззореніе“ ¹⁾. И замѣчательно, что противъ такого заявленія коринѣскіе энтузіасты не выразили ни какого „протеста“, а напротивъ смирились, сдѣлали все что предписывалъ, или на что указывалъ Апостоль.

Авархія не была признана и здѣсь—идеальнымъ строемъ.

На мѣсто этого момента безначалія отмѣчающагося историками „демократическимъ“, или „энтузіастическимъ“ ²⁾, мы должны признать, согласно непрерываемымъ свидѣтельствомъ Писаній, моментъ довольно твердой власти Апостоловъ, полученной ими отъ Господа.

И однихъ ли Апостоловъ? Не замѣтно ли въ Писаніи слѣдовъ дѣйствованія и другихъ церковнообщинныхъ властей въ самый вѣкъ апостольскій?

Что таковыя слѣды есть, этого рѣшительно не отрицаетъ и разсматриваемая теорія. И она допускаетъ съ одной стороны „особыя установленія“ въ Иерусалимской церкви, а съ другой высказываетъ и болѣе общее положеніе, что и „*коринтѣхъ общинныхъ властей, которыя возникли послѣ исчезновеніи странствующей харизматической миссии, восходятъ къ апостольскимъ временамъ*“.

Но къ чему же такая неопредѣленность и сдержанность?

¹⁾ 2 Кор. XIII, 10; ср. X, 8.

²⁾ Мышцывъ, цит. кн. стр. 17 примѣч.

Если несомнѣнно, что „корни уходятъ въ вѣкъ апостольскій“ то какое же препятствіе остается признать, что эти корни и *насажены* были Апостолами?

И вотъ является естественнымъ подозрѣніе, что такая нерѣшительность объясняется очень простою причиною—желаніемъ спасти во что бы то ни стало цѣльность теоріи постепеннаго развитія іерархіи не изъ сущности „чистаго“ („духовнаго“) христіанства“, а изъ условій и обстоятельствъ времени ¹⁾.

На сколько основательно это наше подозрѣніе—судить не беремся, по что попытка созданія такой теоріи мало плодотворна—это явствуетъ изъ тѣхъ разногласій и взаимныхъ противорѣчій, какія наблюдаются между корнями—творцами этой теоріи. Эти разногласія и противорѣчія—лучшій отвѣтъ на поставленный нами вопросъ—въ состояніи ли такая теорія поколебать церковную вѣру въ богоучрежденность и апостольское происхожденіе церковной іерархіи...

Мы далеки отъ мысли писать апологію божественнаго происхожденія повозвѣтной іерархіи и съ этою цѣлію входить въ подробныя экзегетическія изысканія мѣстъ Св. Писанія, разсматривая ихъ въ качествѣ *историческихъ* свидѣтельствъ или *матеріаловъ*, на которыхъ возможно было бы составить точную исторію іерархіи въ теченіи I и II вв. церкви.

Для *церковноюрیدической*, или канонической науки несравненно важнѣе разсмотрѣніе ученія и свидѣтельствъ Св. Писанія съ *принципіальной* стороны ихъ содержанія по скольку они освѣщаютъ и раскрываютъ смыслъ и значеніе іерархическаго принципа въ церковной организаціи и по скольку они разрѣшаютъ вопросъ—соотвѣтствуетъ ли этотъ принципъ природѣ Церкви Христовой, или же онъ, какъ и право вообще, чужды Церкви и внесены въ него извнѣ подъ давленіемъ условій времени?

Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, поставить слѣдующія слова изъ посланій Ап. Петра:

„Пресвитеровъ вашихъ (*προεβούτους ἐν βίῃ*) умоляю я.

¹⁾ Не безынтересныя усилія провести эту теорію постепенности развитія на основаніи анализа источниковъ представляетъ выше названная книга Проф. Мышцына.

сопресвитерь и свидѣтель страданій Христовыхъ: пасите стадо Божіе, какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божиимъ, но подавая примѣръ стаду, и когда явится пастыреначальникъ, вы получите вѣнецъ славы“ (1 Петр. V, 1—4).

Заслуживаетъ вниманія здѣсь прежде всего то отношеніе, въ которое поставляетъ Апостоль *пастырей* „христіанъ разсѣяннѣя“ въ отношеніи къ себѣ и Господу. Въ отношеніи къ Апостолу они—сотрудники, соработники его, несутъ такое же бремя, какъ и онъ—сопресвитерь ихъ—и получаютъ награду за свое усердное пастырство отъ самаго Архипастыря—Господа. О томъ чтобы это были уполномоченные общиною, или сами собою взявшіе на себя пастырское попеченіе, или тѣмъ менѣе были просто старшіе возрастомъ—старики ¹⁾—нѣтъ никакого намека.

Въ установленіи пресвитеровъ общины мы видимъ такимъ образомъ моментъ выдѣленія изъ общаго содержанія апостольскаго служенія нѣкоторой части—пастырства, точно также какъ изъ установленія „діаконовъ“—выдѣленіе служенія бѣднымъ, которое, какъ и пастырство, первоначально входило въ содержаніе апостольскаго служенія: „не удобно намъ, оставивъ слово Божіе, пешись о столахъ: итакъ изберите мужей... ихъ и поставимъ на службу сію“.

Содержаніе служенія пресвитеровъ Апостоль обозначаетъ общимъ выраженіемъ „пасите“, не раскрывая отдѣльныхъ сторонъ этого служенія. Но что этимъ терминомъ обозначается руководственное, начальственное положеніе тѣхъ, кому усвоится званіе „пастыря“. это не можетъ возбуждать сомнѣнія, хотя бы уже въ виду того, что термины—„пастырь“, „пастыри“ обычно употребляются не только въ спеціально духовной, но и въ государственной сферѣ, для характеристики гуманнѣхъ и мудрыхъ правителей. Исторія знаетъ и „пастыря народовъ Атрида“, и „добрыхъ князей, которые *распустили* русскую землю“. Но не выясняя содержанія долга пастенія, Апостоль довольно полно и энергично („умоляю“)

1) Самъ по себѣ старческій возрастъ едва ли всегда желательное условіе даже и для пастыря безсловеснаго стада, въ особенности если это стадо велико, или плохо дисциплинировано.

наставляетъ пресвитеровъ—*какъ должно дѣйствовать церковнымъ пастырямъ?*

Пасти стадо пресвитеры должны: а, не принужденно, но охотно, т. е. не официально, по „долгу службы“—выражаясь современнымъ языкомъ, но отдаваясь всецѣло: *любя* свой долгъ, какъ свое собственное дѣло: б, не по мотиву корыстолюбія, но изъ ревности; в, не господствуя надъ удѣломъ Божиимъ, но показывая примѣръ стаду.

Вдумываясь пристально въ каждый изъ этихъ отрицательныхъ и положительныхъ штриховъ, какими характеризуется типъ пастыря церковнаго, руководителя и начальника религиозной общины („стада“, или „наслѣдія Божія“) мы видимъ въ нихъ и историческій, временный отпечатокъ, и вѣчныя принципиальныя черты. Филологически и исторически термины „пресвитеры“ и „пастырь“, конечно, не представляли ничего новаго въ глазахъ читателей посланія. Пресвитеры и пастыри были и у іудеевъ, и язычниковъ. Что же новаго вноситъ Апостоль въ пресвитерство и пастырство христіанское, что до противоположности отличаетъ его отъ пастырства іудейскаго и языческаго? Это новое—духъ любви, которымъ должны отличаться отношенія пастыря къ паствѣ. Въ этой новости пастырскаго дѣйствования заключается оригинальность новаго типа пресвитерства, уже складывавшагося въ церкви въ моментъ составленія посланія (приблизительно въ 63 году).

Апостоль адресуетъ свое посланіе пришельцамъ разсѣянія въ Понтѣ, Галатіи, Каппадакіи, Асіи и Віоиніи. Но, конечно, дѣло нисколько не измѣнилось бы, если бы Апостоль направлялъ свое посланіе по этому предмету не сюда, а напр. въ Римъ, Коринѣ и не въ 63-мъ году, а значительно ранѣе. Въ новосозидаемомъ Апостолами религиозномъ союзѣ типы начальствованія, подъ формами пресвитерства и пастырства, положимъ заимствованными отъ нихъ, складывались не въ зависимости отъ временныхъ и мѣстныхъ условій, а прежде всего въ зависимости отъ тѣхъ принциповъ, которые предносились въ сознаніи учредителей. Ап. Павелъ велъ свою бесѣду съ ефесскими пресвитерами и писалъ свои пастырскія посланія, безъ сомнѣнія подъ дѣйствіями иныхъ условій, въ которыхъ находились церкви, пастырей коихъ онъ наставлялъ, и однакоже принципиальной разности въ типахъ

пастырей, начертываемыхъ этими апостолами отыскивать было бы напраснымъ трудомъ. Основное положительное средство пастырскаго дѣйствованія, раскрываемое во всѣхъ этихъ посланіяхъ есть *личный подвигъ* пастыря. (Пасите) не господствуя надъ наслѣдіемъ Божиимъ, но подавайте примѣръ стаду“—умоляетъ Ап. Петръ. „Внимайте себѣ и всему стаду“, „кто епископства желаетъ, тотъ добраго дѣла желаетъ“—наставляетъ пастырей Ап. Павель.

Что такой типъ пастырства, или пресвитерства былъ для того времени совершенно *новъ*, неслыханъ,—это видно изъ самой формы рѣчи, въ которой Ап. Петръ очерчиваетъ этотъ типъ. Эта форма — антитеза: черты обычнаго пастырства: официальная холодность, корыстолюбіе, властное отношеніе къ пасомымъ здѣсь выставляются въ качествѣ отрицательныхъ; христіанскій или церковный пастырь не такъ долженъ дѣйствовать; черты противоположнаго характера должны отличать его.

Спрашивается теперь: откуда же апостолы взяли такую идею пастырства? Какія такія условія времени подсказали имъ такую, выражаясь юридическимъ языкомъ, конструкцію пастырскаго служенія?

Вопросъ неразрѣшимый если мы будемъ усиливаться отыскивать отвѣтъ на него въ условіяхъ времени, среди которыхъ дѣйствовали апостолы, вообще если станемъ усиливаться доказывать происхожденіе іерархическаго принципа не изъ самой природы церкви Христовой, а какъ придатокъ къ ученію Христа: привнесенный послѣ, напр. въ началѣ II-го вѣка, или далѣе. Но какъ легко онъ разрѣшается, если устремить свое вниманіе не въ конецъ апостольской исторіи, а къ самому началу ея, именно къ моменту призванія самихъ апостоловъ и къ постепенному приготовленію ихъ къ призванію въ челоуѣчествѣ Самимъ призвавшимъ ихъ!

„Видя толпы народа, Онъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря... и призвавъ двѣнадцать учениковъ своихъ, Онъ далъ имъ власть надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ и врачевать всякую болѣзнь и всякую немощь“ (Мѣ. IX. 36, X, 1).

Пастырство—по этому свидѣтельству Евангелія, намѣчалось въ качествѣ задачи апостоловъ при самомъ призваніи

ихъ къ апостольству, какъ дѣло любви Божіей къ „изнуреннымъ и разсѣяннымъ“. Пастырское попеченіе тоекратно поручено было Христомъ по воскресеніи Петру при тоекратномъ неповѣданіи послѣднимъ любви ко Христу (Іоан. XXI, 15—17): „паси овцы Моя, паси агнцы Моя“.

Ясно, что Ап. Петръ, обращаясь къ пресвитерамъ съ словами „пасите стадо Божіе“ поручалъ имъ ту пастырскую власть, какую самъ нѣкогда получилъ непосредственно отъ Христа. Отсюда, слѣдов., ведетъ свое начало іерархическій церковный принципъ, поскольку онъ облекается въ форму пастырства. *Какъ же онъ долженъ примѣняться? Гдѣ искать принциповъ и примѣра его примѣненія?* И на эти вопросы болѣе точнаго отвѣта, чѣмъ какой даетъ Евангеліе мы нигдѣ не найдемъ. „Онъ сказалъ имъ: цари ¹⁾ господствуютъ (*κυριεύουσιν*) ²⁾ надъ народами и владѣющіе ³⁾ ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: по кто изъ васъ больше (*ὁ μείζων ἐν ὑμῖν*) ⁴⁾, будь какъ меньшій (*γαρότερος*) ⁵⁾ и начальствующій (*πρωτεύων*) какъ служащій (Лук. XXII, 26—27).

Сравнивая эти слова Христа съ вышеприведеннымъ наставленіемъ Ап. Петра къ пастырямъ-пресвитерамъ, мы находимъ поразительное сходство не только въ мысли, но и въ самомъ внѣшнемъ ея выраженіи. И здѣсь, какъ и тамъ. антитеза:

а, въ государствѣ цари и начальники; въ церкви—большіе и меньшіе, или старшіе (*πρωτεύοντες*) и младшіе (*γαρότεροι*); въ государствѣ—начало *властвованія*; въ церкви—надзора (*ἐπιβουλήτες*) и назиданія или служенія (*διακονία*) примѣромъ.

Что особенно здѣсь бросается такъ сказать въ глаза, такъ это—настойчивое устраненіе характера властвованія, именно государственнаго властвованія чрезъ царей и князей (*βασιλεῖς καὶ ἄρχοντες*) въ религіозномъ союзѣ, единымъ связующимъ центромъ и базисомъ котораго служить Христосъ (Единъ Господь—*κύριος*) устраненіе человѣческаго властвованія подтверждается далѣе и собственнымъ примѣромъ Гос-

¹⁾ Мф. XX, 25: князи (*ἄρχοντες*).

²⁾ Мф. XX, 25: *κατακυριεύουσιν*.

³⁾ Тамъ же: *μεγύλα*.

⁴⁾ Тамъ же. 26: а кто хочетъ между вами быть большимъ (*μέγας*).

⁵⁾ Тамъ же: *διακονος* (ст. 26).

пода: „Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ и правильно говорите: ибо Я точно—то. Итакъ, если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу. Ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобъ и вы дѣлали то же, что Я сдѣлалъ вамъ“ (Іоан. XIII, 13—15).

Но что же вводится на мѣсто властвованія въ религіозную область? Вводится принципъ пастырства, раздѣляющій стадо Христово на „старшихъ“, или „большихъ“ и „младшихъ“ или меньшихъ членовъ, лучше же сказать, братьевъ или „отцовъ“ и „дѣтей“. Церковь—„родъ христіанскій“. Въ сферѣ религіозно-нравственнаго христіанскаго союза, гдѣ члены—„новая тварь призванная въ свободу славы чадъ Божіихъ“, не умѣстна суровая и непреклонная власть (*imperium*), такъ необходимая въ государствѣ, но еще менѣе умѣстна и *anarchia*. Высокое достоинство христіанской личности требуетъ и мѣръ начальственнаго воздѣйствія болѣе утонченныхъ и мягкихъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ принуждена бываетъ прибѣгать государственная дисциплина. Съ другой стороны возвышенный характеръ жизни церковной, состоящей въ религіозно-нравственномъ дѣланіи требуетъ отъ руководителя особеннаго также и авторитета. Чѣмъ же достигается этотъ послѣдній?

„Не господствуйте надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавайте примѣръ стаду“. Вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Такъ какъ во всемъ посланіи идетъ рѣчь главнымъ образомъ о жизни, соотвѣтственной вѣрѣ и главная задача пастырства состоитъ въ насажденіи дисциплины, то Апостолъ и указываетъ въ качествѣ положительнаго средства пастырскаго дѣйствованія—личный примѣръ пастыря. Примѣръ убѣдительнѣе слова и именно въ нравственно-религіозной области и наоборотъ—нѣтъ ничего безтактичнѣе въ дѣятельности пастыря, какъ краснорѣчивое наставленіе или требованіе, которому не соотвѣтствуетъ личная жизнь наставляющаго. Въ области государственной дисциплины есть иное средство воздѣйствія—страхъ наказанія: здѣсь неволя учить порядочности и официальной праведности; въ области церковной дисциплины неволи нѣтъ, здѣсь требуется свободное исполненіе обязанностей и если по справедливости считается вѣнваемымъ предписывать свободному человѣку, напр. въ формѣ указовъ или статей полицейскаго устава,

постъ, усиленную молитву, страхъ Божій и др. добродѣтели, то увлекать тѣхъ же свободныхъ людей примѣромъ личной благочестивой настроенности къ тѣмъ же добродѣтелямъ считается явленіемъ воплывъ естественнымъ. *Exempla trahunt*— въ религиозной сферѣ такой рычагъ, который сохраняетъ свою энергію и тогда, когда непосредственная дѣятельность увлекающей личности уже прекратилась: „святой“ пастырь вызываетъ къ себѣ подражаніе едва ли даже не сильнѣе по- смерти, чѣмъ при жизни.

Въ силу этого, на разсматриваемый способъ пастырскаго дѣйствованія вовсе нельзя смотрѣть только какъ на нравственную сентенцію, весьма желательную и въ каждой иной сферѣ общественной службы. Нѣтъ, въ сферѣ религиозной дисциплины она—*практическая необходимость*: пастырь ведущій недостойную жизнь есть нѣчто немислимое. Здѣсь— основаніе той дробности предписаній церковнаго права, какою отличается исчисленіе нравственныхъ недостатковъ, какъ препятствій къ рукоположенію.

Церковь по природѣ своей представляетъ высшую ступень соціальнаго строя по сравненію съ государствомъ, соответвенно сему и принципъ церковнаго начальствованія (*іерархія*) высшую ступень по сравненію съ принципомъ государственнаго властвованія (*имперіумъ*). Таковъ глубокой смыслъ святоотеческой формулы: „священство выше царства“, такъ нелѣпо искаженной средневѣковымъ папствомъ ¹⁾. „Ваше достопочтенное, достойное Бога пресвитерство, такъ согласно съ епископомъ, какъ струны въ гусяхъ. Оттого вашимъ единомысліемъ и согласною любовію прославляется Христосъ. Такъ и вы, *зсѣ до одинаго*, составляйте хоръ, чтобы при согласномъ настроеніи, посредствомъ единомыслія, единодушно начавъ хвалебную пѣснь Богу, согласно пѣть ее“ ²⁾. Такъ изображалъ внутреннюю жизнь Ефесской Церкви св. Игнатій Богоносецъ. Какъ въ хорѣ природная индивидуальность голосовъ требуетъ свободнаго развитія ихъ личнымъ трудомъ и однакоже при непремѣнномъ воздѣйствіи одушевленнаго

¹⁾ Если не ошибаемся честь изобрѣтенія этой формулы, насколько нестрашной въ политическомъ отношеніи, принадлежитъ Св. Іоанну Златоусту въ его словахъ о священствѣ.

²⁾ Св. Игнатія. Посл. къ Ефес. гл. 4.

любовію и обладающаго тонкимъ слухомъ регента, такъ и въ религіозно-соціальной (церковной) жизни. Не можетъ быть хора безъ хорошаго регента, но и хорошій регентъ не составитъ хора безъ талантливыхъ и дисциплинированныхъ пѣвцовъ. Апостолъ Павелъ хвалилъ и поощрялъ ревность харизматиковъ Коринѣской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы проявленіе своихъ дарованій совершали „благообразно и по чину“.

Принципу властвованія въ государственной организаціи соответствуетъ въ церковной принципъ іерархическаго пастырства. Эта идея легко доказуема на основаніи точнаго смысла Писанія, наоборотъ—оправданіе анархій есть искаженіе и духа и буквы Писанія.

Но можетъ ли быть названо церковное пастырство іерархіею? Есть ли въ немъ элементъ власти: не есть ли оно—только долгъ, или свободно избранный подвигъ христіанина, напр. одареннаго харизмою пророчества или учительства?

И на эти вопросы получаемъ въ Писаніи отвѣты, устраняющіе всякую неопредѣленность, категорическіе. И прежде всего въ томъ же посланіи Ап. Петра. Здѣсь непосредственно за изображеніемъ характера дѣйствованія пастырей слѣдуетъ такое обращеніе къ младшимъ: „соотвѣтственно сему и вы, младшіе, подчиняйтесь старшимъ. Всѣ же взаимно украшайтесь смиренномудріемъ: потому что гордымъ противится Богъ, смиреннымъ же даетъ благодать“¹⁾.

Терминъ *ὑποτάγητε*—подчиняйтесь. соотносительный термину „пасите“—категориченъ; недопускаетъ никакой неопредѣленности.

Призывъ къ взаимному смиренномудрію нисколько не ослабляетъ ни авторитета пастырей, ни обязанности послушанія пасомыхъ. Гордость и надменность вообще—не признаки и не свойства именно церковнаго начальствованія; да едва ли они способны усиливать и авторитетность какова бы то ни было начальства особенно въ культурномъ государствѣ.

¹⁾ 1 Петра V, 5: Ὁμοίως νεώτεροι ὑποτάγητε πρεσβυτέροις πάντες δὲ ἀλλήλοις ἐν κυρίῳ φοβούμενῳ ἔχουμβάσαθε ὅτι ὁ θεὸς ἰσχυροῦς ἀντιπασεῖται, κτενοὶ, δὲ δίδωσι χάριν.

Также категоричны и наставленія Ап. Павла:

„Повициуйтеся наставникамъ вашимъ и будьте покорны (*Πειθεσθε τοις ἡγουμένοις κυρίῳ καὶ ὑπακούετε*) ¹⁾).

„Просимъ васъ, братіе, уважать трудящихся у васъ предстоятелей (*προβταμένοι*) вашихъ въ Господѣ и вразумляющихъ васъ и почитать ихъ преимущественно съ любовью за дѣло ихъ ²⁾).

Такъ недвусмысленно заповѣдуется апостолами долгъ послушанія, подчиненія и уваженія пресвитерамъ—пастырямъ, вождямъ и предстоятелямъ въ Господѣ со стороны *братіи*, т. е. тѣхъ лицъ въ составѣ церкви, которыя въ позднѣйшемъ каноническомъ языкѣ называются мiрянами.

Но—возражать намъ—вѣдь эти наставленія апостоловъ имѣютъ только *правственный* характеръ: отъ воли „братіи“ зависитъ исполненіе долга послушанія и подчиненія, какъ и отъ воли пастырей—исполненіе ихъ пастырскаго долга. Гдѣ гарантія исполненія тѣхъ и другихъ обязанностей? Не въ личной ли совѣсти каждаго? Да и самый тонъ рѣчей апостоловъ звучитъ ли тономъ предписанія, или просто совѣта, просьбы?

Отвѣчаемъ на это возраженіе: о разсматриваемыхъ наставленіяхъ мало сказать, что они имѣютъ только *правственный* характеръ: они—*религіозно* правственнаго характера, т. е. не исполненіе, или плохое исполненіе пастырскаго долга влечетъ отвѣтственность не предъ личною совѣстію пастыря, но предъ Богомъ ³⁾, и наоборотъ ревностное исполненіе долга соединяется съ наградою отъ Бога ⁴⁾. Этотъ религіозный авторитетъ пастыря сообщаетъ религіозный характеръ и отвѣтственности пасомаго за непослушаніе, какъ и долгъ пастырства—однородны и не выдѣляются апостолами изъ ряда другихъ обязанностей, которыя должно исполнять „ради Господа“.

То правда, что тонъ рѣчей апостоловъ не тонъ законодателей. Они не требуютъ, не предписываютъ, но просятъ, умоляютъ. Но эта внѣшняя форма выраженія умаляетъ ли

1) Евр. XIII, 17.

2) 1 Тимеос. V, 12, 13; ср. Римл. XII, 8. 1 Тимеос. V, 17.

3) Яко слово воздати хотяще за вѣсл. Евр. XIII, 17.

4) Когда явится Пастыреначальникъ, получите неуязвимыя славы вѣнецъ. 1 Петр. V, 4.

силу заповѣди апостольской? Не напротивъ ли, не возвышаетъ ли? Вѣдь и въ сферѣ человѣческаго права грубая и рѣзкая форма юридическихъ требованій давно уже перестала считаться признакомъ и гарантіей твердой власти, тѣмъ болѣе это должно сказать о правѣ подлинно церковномъ, вѣрно слѣдующемъ принципамъ Евангелія ¹⁾. Здѣсь умоляетъ о послушаніи пастырямъ „Апостоль Иисуса Христа, свидѣтель страданій Христовыхъ и соучастникъ въ славѣ, которая должна открыться“, одинъ изъ тѣхъ, которымъ Христосъ сказалъ: слушаай васъ, Мене слушаетъ: какую же великую цѣнность въ глазахъ вѣрующаго имѣеть эта мольба апостола? Не думаемъ, чтобы меньшую, чѣмъ любое юридическое предписаніе, исходящее изъ какого-либо законодательнаго учрежденія.

Весьма ясно раскрываетъ эту религіозную цѣнность іерархическаго принципа св. Игнатій Богоносець: „Вамъ надобно не пренебрегать возрастомъ епископа, а по волѣ Бога Отца оказывать ему всякое уваженіе, какъ поступаютъ, узнавъ я, и святые пресвитеры ваши, которые не смотря на раннее повидимому поставленіе его въ епископы, а какъ богумудрые повинуются ему. Но не ему они повинуются, а Отцу Иисуса Христа, общему епископу всѣхъ. Итакъ, въ честь Того, Который возжелалъ его, вамъ надобно повиноваться, ему безъ всякаго лицемѣрія: потому что не сего видимаго епископа обманываетъ такой, но лжетъ предъ Невидимымъ. Въ подобныхъ дѣлахъ все относится не къ плоти, а къ Богу, видящему тайное“ ²⁾. Что такое епископъ, какъ не лицо, имѣющее главное начальство и власть надъ всѣмъ, сколько то возможно посылному подражателю Христа Бога? Что та-

1) Достопримѣчательно, что первый опытъ писаннаго церковнаго законодательства т. наз. Апостольскія Постановленія—носятъ форму апостольскихъ соборныхъ посланій. Равнымъ образомъ и опредѣленія помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ—носятъ ту же форму. Нельзя смѣтрѣть на эту форму, какъ на случайность, она—точное соответствіе духу церковнаго права, или точнѣе духу Новаго Заветъа, открывающаго Волю Божию не рабамъ или поддавшимся, но сынамъ свободы, сынамъ Свѣта. Формы государственнаго права, государственной юстиціи проникли въ сферу ц. права, сравнительно поздно, какъ прямой результатъ вліянія государства на церковь.

2) Посланіе къ Магнезіѣнамъ. Гл. 2 и 3.

кое пресвитерство, какъ не священный соборъ, совѣтники и сотрудники епископа? Что такое діаконы, какъ не подражатели ангельскихъ силъ?... Итакъ кто не повинется имъ, тотъ человѣкъ совершенно безбожный и нечестивый; тотъ презираетъ Христа и его установленіе“¹⁾).

Благодаря этому религіозному мотиву послушанія становится вполне возможнымъ въ церковной сферѣ начальствованіе личности по природѣ кроткой и совершенно чуждой „жажды властвованія“ и—охраненіе строгой служебной субординаціи безъ всякихъ грубыхъ средствъ принужденія. Каноническая организація даже положительно требуетъ, чтобы іерархическое лицо отличалось непремѣнно кротостью (*πραΐς*)²⁾, „тихостью“³⁾ и разсматриваетъ какъ не нормальность—гордость, гнѣвъ, раздражительность,⁴⁾ строго осуждая вообще „надменность власти мірскаго вкрадывающуюся въ церковь подъ видомъ священнодѣйствія“⁵⁾. Но этого мало.

Отличаясь религіозно-нравственнымъ характеромъ церковное начальствованіе (*ἱεραρχία*) проникается и своеобразнымъ религіозно правовымъ элементомъ. Понятно, какъ важно въ интересахъ науки церковнаго права, отмѣтить этотъ элементъ въ іерархіи апостольскаго вѣка. Правда, что данныхъ объ этомъ предметѣ сохранилось въ Писаніи очень мало, но они есть и настолько явственны, что ихъ нельзя изгладить никакою экзегетическою ретушевою; ихъ скудость, напротивъ, обязываетъ отнестись къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ строѣ апостольской церкви несомнѣнно были лица, которыя несли общественное служеніе Церкви, бывъ призваны къ этому особымъ актомъ, называемымъ двумя терминами: *χειροτομία* и *ἐπίθεσις τῶν χειρῶν*⁴⁾.

Что это за актъ? Въ настоящее время уже установлено твердо, что въ классическомъ словоупотребленіи терминомъ *χειροτομία* обозначалось народное избраніе на общественную

1) Посланіе къ Трилліяцамъ. Гл. 7.

2) *Аѳах.* XV.

3) 2 Тимсѣ. II, 24.

4) Сардик. соб. прав. 14.

5) III Всел. соб. прав. 8.

должность посредством подачи голосовъ (тоже, что suffragium), при чемъ подававшіе голоса за избираемаго протягивали руки вверхъ и по числу протянутыхъ рукъ опредѣлялось число голосовъ. Примѣненіе этого общепринятаго юридическаго приѣма и встрѣчается неоднократно въ исторіи церкви апостольскаго вѣка, но здѣсь ему приданъ глубоко-религіозный и таинственный характеръ—въ полномъ смыслѣ-священнодѣйствія. Этотъ избирательный актъ здѣсь совершали при глубоко молитвенномъ настроеніи, къ возбужденію котораго иногда предпринимались „предварительная молитва и постъ“ а иногда и прямое указаніе на опредѣленныхъ лицъ чрезъ вдохновеннаго пророка. Это привнесеніе въ простой юридическій актъ религіознаго элемента совершалось вслѣдствіе общаго желанія найти собственно не общественнаго избранника, а избранника Божія. И не трудно, конечно, понять, почему изъ всѣхъ обычныхъ способовъ назначенія на должность усвоенъ былъ христіанами именно этотъ, а не какой либо другой, напр. тотъ, который называется административнымъ способомъ назначенія на должность. Этотъ именно способъ отвѣчалъ наиболѣе точно тому призыву къ единодушію и любви, которыя завѣщала своимъ ученикамъ Господь, обѣщая непременно быть тамъ, гдѣ даже два или три соберутся во имя Его. Естественно по этому ожидать, что чѣмъ важнѣе должность, тѣмъ было желательнѣе видѣть замѣщеніе ея тѣмъ лицомъ, котораго желаетъ Господь.

Глубоко знаменательно, что первый опытъ примѣненія такого порядка избранія на церковное служеніе первая христіанская хиротонія—былъ предпринятъ для избранія двѣнадцатаго апостола на мѣсто Иуды—предателя.

Правда св. Лука не называетъ этого акта хиротоніей. Но повѣствуя о способѣ совершенія избранія, даетъ ясно всѣ детали ея. Такъ здѣсь мы видимъ глубоко молитвенное настроеніе 120-ти братій (ст. 14 гл. 1). Актъ начался провикновенною рѣчью Ап. Петра, выяснивашаго всю важность настоящаго событія. За тѣмъ несомнѣнно слѣдовало обсужденіе—кого же именно избирать изъ лично присутствующихъ свидѣтелей всей жизни и дѣятельности Господа, результатомъ чего и явилось выставленіе двухъ лицъ: и

„поставили двоихъ“. Совершился первый моментъ избранія. Должно было совершить дальнѣйшій актъ—избранія изъ сихъ двухъ одного. И помолились... „И бросили жребій, и выпалъ жребій Матѳію, и овъ сопрічисленъ къ одиннадцати апостоламъ (I, ст. 26).

Тѣ же детали встрѣчаются и въ изображеніи второй хиротоніи— 7-ми діаконовъ. Но здѣсь встрѣчается новая деталь: къ молитвѣ, завершавшей актъ избранія, присоединяется „возложеніе рукъ“ (*επιθεσις τῶν χειρῶν*).

При изображеніи третьяго случая хиротоніи отмѣчается пророческое содѣйствіе, постъ (и молитва), предварявшій возложеніе рукъ на избранныхъ. (Дѣян. XIII, 1—3).

Терминомъ „рукоположеніе“ (*χειροτομία*) обозначено устройство пресвитеровъ по каждой церкви Апостоломъ Павломъ и Варнавою (Дѣян. XIV, 23).

О пророчествѣ и возложеніи рукъ пресвитерства, какъ моментахъ хиротоніи, упоминаетъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоѳ. (1 Посл. IV, 15).

Таковы положительныя данныя Писанія относительно составныхъ частей хиротоніи, какъ церковнаго въ собственномъ смыслѣ акта, которымъ возводился бывшій дотошъ простымъ вѣрующимъ, простымъ членомъ церкви „братомъ“ въ церковную должность, или въ церковное служеніе (*διακονία*).

Въ настоящее время, даже и въ русской канонической литературѣ вполне установлено, что чинъ хиротоніи въ разныхъ церковныхъ должностяхъ, выработанный церковію въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ и затѣмъ санкціонированный для Византіи императорскимъ законодательствомъ, хотя и съ значительною модификаціею (См. Номокапонъ Фотія, Тит. I IX), совмѣщаетъ въ себѣ всѣ указанныя нами детали, сохраненныя Писаніемъ. См. Н. П. Аксакова: объ избраніи епископовъ въ древней христіанской Церкви (въ журналѣ Церковный голосъ за 1906 г.), а также: Преданіе Церкви и преданія школы“. Сергіевъ посадъ. 1910 г.

Въ какія именно должности актомъ хиротоніи возводились члены церкви въ вѣкъ апостольскій—отвѣчать на этотъ вопросъ категорически—затруднительно. Но ближайшіе къ Писанію источники свидѣтельствуютъ ясно, что такимъ ак-

томъ поставлялись епископы ¹⁾, епископы и діаконы ²⁾ и пресвитеры ³⁾.

Но достопримѣчательно, что ни о пророкахъ, ни объ учителяхъ, ни о другихъ харизматикахъ, которымъ будто бы принадлежала въ первохристіанствѣ правительственная функція, не говорится, чтобы они были рукоположены. Почему? Потому, что это только „дарованія“, а не должности или служенія и подаются, по ясному свидѣтельству Писанія, непосредственно крещеніемъ и возложеніемъ рукъ апостольскихъ (позднѣ миропомазаніемъ), какъ и другія дарованія, напр. исцѣленій, различенія духовъ и т. п. такъ что „изъ увѣровавшихъ въ Бога чрезъ Христа нѣтъ челоувѣка, который не получилъ бы дарованія духовнаго“ ⁴⁾. Въ силу чего каждый изъ вѣрующихъ и становится дѣятельнымъ членомъ церковнаго тѣла, соотвѣтственно полученному дару. Дарованія различны: ты получилъ это, а онъ другое какое-либо, или слово мудрости, или знанія, или различенія духовъ, или предвѣдѣніе будущаго, или умѣнье поучать, или незлобіе, или законное воздержаніе“ ⁵⁾.

Но обнаруженіе ими своихъ дарованій на дѣло служенія церкви зависить всецѣло отъ ихъ доброй воли, отъ ихъ усердія. Возможно, что иной, получившій высокія дарованія, (напр. пророчества) будетъ възгрѣвать ихъ, сдѣлаетъ много добра и приобрѣтетъ великое уваженіе и авторитетъ въ церкви. Но возможно, что онъ зароетъ въ землю полученный талантъ: за это онъ отвѣтственъ только предъ Давшимъ ему талантъ.

Иное дѣло церковныя должностныя лица: они *обязаны* исполнять порученное имъ служеніе и отвѣтственны въ исполненіи его не только предъ Богомъ, Единственнымъ Источникомъ ихъ духовныхъ дарованій, но и предъ церковію ихъ избравшею, имъ довѣрившею извѣстное *спеціальное служеніе* и въ актѣ хиротоніи испрашивавшею для нихъ чрезвычайную благодать Духа.

Мы останавливаемся на этихъ элементарныхъ разъясненіяхъ

1) 1 Посл. Климента.

2) *Αδ. των Δοδ. Αποστ. XV: χειροτονούμετε ἐπισκόπους και διάκονους.*

3) Ясное свидѣтельство уже въ книгѣ Дѣяній, XIV, 23: *χειροτονήσαντες αυτοίς και ἐκκλησία προεβιβάρον.*

4) Апост. Пост. VIII, 1.

5) Апост. Пост. VIII, 1 (стр. 249 р. пер.).

понятій „должности“ и „дарованія“ (харизма) съ тою цѣлью, чтобы указать простое логическое заблужденіе, которое лежитъ въ основѣ теоріи, различающей въ исторіи первохристіанства періоды господства „энтузіастической“ и „правовой іерархіи“ и рѣшительно отрицающей богоучрежденность и апостольское происхожденіе—второй.

Харизматики никогда не были іерархами только въ силу своихъ дарованій; они становились таковыми лишь тогда, когда церковнымъ собраніемъ возглавляемымъ іерархами, удостоивались рукоположенія или хиротоніи. Если бы не было 12-ти апостоловъ, избранныхъ непосредственно Господомъ и получившихъ отъ Него всю полноту власти церковной—не было бы и харизматиковъ. Апостолы (второго порядка), пророки, учителя, благовѣстники дѣйствовали параллельно съ іерархами въ вѣкъ апостольскій, какъ дѣйствовали и въ позднѣйшіе вѣка, хотя и появлялись не въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ въ вѣкъ апостольскій. Они являлись тогда, какъ и потомъ, въ качествѣ чрезвычайныхъ органовъ Божественнаго Промышленія о церкви: что же касается іерархіи, то она представляетъ всегдашнее, необходимое учрежденіе. Безъ нея не можетъ быть церкви. безъ нея Христови послѣдователи оставались бы разсыянными, изнуренными овцами не имущими пастыря.

Указаніе и анализъ немногихъ мѣстъ Писанія, изображающихъ типъ новозавѣтнаго пастыря и способа возведенія его въ это положеніе даютъ, повидимому, достаточное основаніе для слѣдующаго общаго положенія: *іерархическій принципъ вытекаетъ изъ природы церкви; онъ необходимое требованіе ея организаціи, какъ религіознаго союза, соответствуетъ принципамъ и званіямъ Христа и въ корнѣ своемъ есть Его непосредственное установленіе.*

Христосъ получилъ власть отъ Отца (дадеся Ми всякая власть), далъ ее апостоламъ, которыхъ избралъ Самъ, Апостолы передали ее пресвитерамъ—пастырямъ и другимъ лицамъ парочитымъ актомъ хиротоніи; эти послѣдніе своимъ преемникамъ и такъ сохраняется преемство іерархическаго принципа въ церкви до нашихъ дней.

Таковъ его генезисъ. Съ исторической точки зрѣнія вѣтъ достаточныхъ основаній опровергать эту непрерывную цѣпь преемственности.

Мы сказали выше, что церковная хиротонія, какъ актъ, содержащій въ себѣ юридическій элементъ—избраніе всею мѣстною церковію—сообщаетъ и самой должности, въ которую избранный возводится,—юридическій характеръ, т. е. съ одной стороны облакаетъ правомъ (ея носителя) съ другой порождаетъ обязанность уважать это право со стороны избравшихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же актъ хиротоніи дѣлаетъ *ответственнымъ* должностное лицо не только предъ Богомъ, но и церковію. Это положеніе весьма важно. Не нуждаясь въ теоретическомъ обоснованіи, какъ само собою понятное, оно было фактически оправдано въ жизни христіанъ апостольскаго вѣка и вылилось въ положительную заповѣдь апостола. Достопримѣчательно, что *предъ церковію* нашли для себя необходимымъ принести отчетъ и оправданіе въ своей дѣятельности не незначительныя какія-либо служащія церкви должностныя лица, но сами „первоверховные апостолы—Петръ и Павелъ. Въ XI гл. Дѣяній читаемъ: „Когда Петръ пришелъ въ Іерусалимъ, обрѣзанные упрекали его (*διακρίνοντο*), говоря: ты ходилъ къ людямъ необрѣзаннымъ и ѣлъ съ ними“ (ст. 2—3). Подробный отчетъ апостола о своей миссіи среди язычниковъ вполне удовлетворилъ осуждавшихъ его и „выслушавъ они успокоились и славилы Бога, говоря: видно и язычникамъ далъ Богъ покаяніе въ жизнь“ (ст. 18).

Еще болѣе яркій фактъ передаетъ книга Дѣяній изъ жизни Ап. Павла: „По прибытіи въ Іерусалимъ братія радушно приняли насъ. На другой день Павелъ пришелъ съ нами къ Іакову; пришли и всѣ пресвитеры. Привѣтствовавъ ихъ, Павелъ *разсказывалъ подробно*, что сотворилъ Богъ у язычниковъ *служеніемъ его*. Они же выслушавъ, прославляли Бога и сказали ему: видишь, братъ, сколько тысячъ увѣровавшихъ іудеевъ, и всѣ они ревнители закона. А *о тебѣ наслышались они*, что ты всѣхъ іудеевъ живущихъ между язычниками, учишь отступленію отъ Моисея, говоря, чтобы они не обрѣзывали дѣтей своихъ и не поступали по обычаямъ. Итакъ, что же? Вѣрно соберется *народъ*, ибо услышать, что ты пришелъ. Сдѣлай же то, что мы скажемъ тебѣ: есть у насъ четыре человека, имѣющіе на себѣ обѣтъ. Взявъ ихъ очистишь съ ними и возьми на себя издержки на жертву за ихъ... и узнаютъ всѣ, что слышанное ими о тебѣ неспра-

ведливо“ (Дѣян. XXI, 17—24). И апостолъ представилъ это фактическое опроверженіе слуховъ о немъ въ успокоеніе іудействующей совѣсти (26—27).

А вотъ и положительная заповѣдь апостола: „обвиненія на пресвитера не принимай, иначе какъ при трехъ или двухъ свидѣтеляхъ (1 Тим. V, 19).

Заповѣдь краткая, категоричная, какъ будто—фрагментъ изъ исполнѣ развитаго процессуальнаго устава. Не смотря, однако же, на свою краткость и какъ бы случайность своего появленія въ посланіи апостола, она важна для насъ тѣмъ, что выражаетъ неоспоримое утвержденіе принципа отвѣтственности должностнаго лица предъ судомъ церкви. Конечно, едва ли допустимо предположеніе, чтобы въ эту эпоху встрѣчались лица рукоположенные апостолами при избраніи и одобреніи всею наличною мѣстною церковію и потомъ оказавшіяся недостойными своего званія. Но что и въ это время уже возможны были случаи несправедливаго нареканія на таковыхъ лицъ—это видно изъ представленныхъ выше свидѣтельствъ книги Дѣяній. И вотъ въ видахъ возстановленія ихъ репутаціи апостоломъ устанавливается судебная ихъ защита. Достоинство должности требуетъ, чтобы *основательность* обвиненія гарантирована была наличностью трехъ или двухъ свидѣтелей. Тогда, по слову Христа, „скажи церкви“¹⁾

Такимъ же случайнымъ предписаніемъ совершенно процессуальнаго характера выступаетъ и знаменитое 74-е правило въ средѣ прочихъ апостольскихъ правилъ и всѣхъ апостольскихъ постановленій: „Епископъ отъ людей вѣроятія достойныхъ обвиняемый въ чемъ либо необходимо самъ долженъ быть призванъ епископами: и аще предстанетъ и признается или обличенъ будетъ, да опредѣлится епитимія. Аще же званъ бывъ не послушаетъ, да позовется вторично чрезъ посылаемыхъ къ нему двухъ епископовъ. Аще же и тако не послушаетъ, да позовется и въ третій разъ чрезъ двухъ посылаемыхъ къ нему епископовъ. Аще же и сего не уважая, не предстанетъ: соборъ по благоусмотрѣнію своему да произнесетъ о немъ рѣшеніе, да не мнитя выгоду имѣти, бѣгая отъ суда“²⁾.

¹⁾ Мѡ. XVIII, 17.

²⁾ Сп. и прав. 75. Когда явилось на свѣтъ это правило? Наука не дастъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ: можетъ быть въ V-мъ вѣкѣ,

Правило содержитъ весьма опредѣленно выраженный принципъ ответственности носителя высшей церковной должности — епископа за преступленіе, обвиненіе въ которомъ предъявляется достойнымъ вѣроятія лицомъ (*ἀξιόλογος*). Терминъ *ἀξιόλογος* даетъ право предполагать, что обвинителемъ можетъ выступить не только христіанинъ, но даже и стоящее внѣ церкви лицо — что согласно и заповѣди Апостола, повелѣвающей епископу быть безукоризненнымъ и отъ внѣшнихъ. Какъ извѣстно изъ позднѣйшаго законодательства церкви, не христіанинъ (или еретикъ) не допускался къ обвиненію только по церковнымъ дѣламъ, но если дѣло было личное или гражданскаго характера, то обязательно выслушивался и получалъ удовлетвореніе. Конецъ правила, да не мнѣтся имѣти выгоду, бѣгая отъ суда, особенно настойчиво подчеркиваетъ ответственность епископа предъ церковію.

Но конечно главное содержаніе правила — процессуальное. Его прямая задача — оградить достоинство должностнаго лица, подвергнувшагося обвиненію посылкою къ нему тоекратнаго вызова въ судъ не иначе, какъ чрезъ двухъ лицъ, равнаго съ подсудимымъ церковнаго ранга ¹⁾.

Вообще ответственность іерархическаго лица предъ церковью (формы организаціи ея представительства допускаютъ разнообразную модификацію) есть *существенный* признакъ церковной іерархіи и составлялъ всегда важный предметъ церковнаго законодательства.

Безответственныхъ іерарховъ въ церкви не должно быть. Высота іерархическаго сана требуетъ отъ церковнаго суда только соотвѣтственнаго уваженія къ сану, но не сообщаетъ привилегіи безсудности и безнаказанности въ случаѣ дознанной вины. По этому пресловутый „монархическій епископатъ“, выставляемый новѣйшею теоріею происхожденія іе-

можетъ быть много ранѣе. Эта невѣстность историческаго момента его происхожденія нимало не подрываетъ его *принципиальной цѣнности*. Для послѣдней даже лучше, если оно явилось позднѣе, именно въ ту эпоху, когда „дымное надменіе“ государственнаго властвованія стало весьма сильно проникать въ іерархическія отношенія.

¹⁾ Соотвѣтственно сему, какъ показываетъ церковно-судебная практика, къ подсудимому архимандриту посылались два архимандрита. См. нашу книгу: Церковный судъ въ первые вѣка христіанства.

рархіи, какъ завершеніе послѣдней, есть неудачное обобщеніе частныхъ историческихъ явленій. Отдѣльные епископы—монархи и даже прямо деспоты и тираны могли быть и въ III-мъ, какъ и послѣдующихъ вѣкахъ, но это—единичныя явленія,—уклоненія отъ апостольской нормы, а не ея развитіе. Они также противны духу апостольской іерархіи, какъ и „непогрѣшимый папа“.

Таково содержаніе и значеніе іерархическаго принципа въ церковной организаціи по даннымъ первохристіанства. Онъ непосредственно проистекаетъ изъ сущности, или природы церкви. Безъ него нѣтъ церкви.

Но не противорѣчитъ ли этотъ принципъ апостольскому ученію о всеобщемъ священствѣ церкви (1 Петр. II, 9) и объ отмѣненіи ветхозавѣтнаго священства и закона о немъ, ясно выраженномъ въ посланіи къ Евр. VII, 12—18?

Мы не будемъ разсматривать во всей подробности этого стараго вопроса, тщательно исчерпаннаго догматическими изслѣдованіями разныхъ вѣроисповѣданій.

Самый смыслъ этого вопроса стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ—должна ли въ церкви совершаться общественная молитва и въ частности общественное безкровное жертвоприношеніе, или же допустима только индивидуальная, чисто духовная и тайная—„въ клѣти своей?“ Разъ—признается въ принципѣ первая, то необходимо и особенное значеніе въ ней іерархіи. Нагляднымъ доказательствомъ этого положенія служатъ опыты сектантовъ всякаго рода, допускающихъ общественныя молитвенныя собранія: ратуя противъ церковнаго священства, эти сектанты изоцряются въ изобрѣтеніи разнообразныхъ суррогатовъ его, разнообразныхъ народій на іерархію.

Но общественная церковная молитва и общественная духовная жертва, какъ необходимая сторона жизни церковной и даже главная ея задача, заповѣдуются апостолами именно въ тѣхъ мѣстахъ ихъ посланій, на которыя опираются такъ называемыя „духовныя“ христіане, отрицающіе церковную іерархію.

„Приступая къ Нему, камню живому, человѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоцѣнному и саму, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, бла-

гопріятныя Богу Іисусомъ Христомъ... Вы родъ избранный, царственное священство, народъ святыи, люди взятые въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенства призвавшаго васъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ“ (1 Петр. II, 4, 5, 9).

Такъ заповѣдуетъ Ап. Петръ, умолявшій пастырей пасти стадо Христово, а пасомыхъ—подчиняться пастырямъ. Неужели онъ противорѣчилъ себѣ, называя всѣхъ—царственнымъ священствомъ, т. е. священниками?

Нѣтъ, заповѣдь подчиненія пастырямъ—не противорѣчитъ заповѣди о построеніи изъ себя вѣрующими „духовнаго дома“, и тѣмъ болѣе „царственнаго священства“ и „народа святаго“, а необходимое дополненіе. Ибо и обыкновенное каменное зданіе не строится безъ архитекторовъ или зодчихъ, тѣмъ болѣе не можетъ строиться и существовать зданіе духовное. Точно также и народъ святыи могутъ составить не овцы „изнуренные и разсѣянные“, но только собираемые и охраняемые пастырями. Такъ выходитъ по Евангелію, которому въ данномъ мѣстѣ точно слѣдовалъ апостоль.

А вотъ и заповѣди другаго апостола, съ совершенною ясностію раскрывшаго отмѣну вѣтхозавѣтнаго культа, священства и закона о немъ:

„Имѣя великаго Священника надъ домомъ Божиимъ, да приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти и омывъ тѣло водою чистою, будемъ держаться исповѣданія неуклонно“. (Евр. X, 21—23).

„Не будемъ оставлять собранія своего (*ἐκκλησιασμού*) какъ есть у нѣкоторыхъ обычай“ (ст. 25).

„Мы имѣемъ жертвенникъ (*θυσιαστήριον*) отъ котораго не имѣютъ права питаться служащіе скинии“ (XIII, 10).

И заповѣди этого апостола свидѣтельствуютъ, что ветхозавѣтный культъ и священство, потерявшіе значеніе для „Новаго Израиля“ не осталось ничѣмъ не замѣненнымъ. Напротивъ, и у Новаго Израиля есть синагога ¹⁾, жертвенникъ, Великій Архіерей. Есть и „игумены“ или вожди, пасущіе Новаго Израиля.

И вотъ, понимая такъ рассматриваемыя заповѣди двухъ

¹⁾ Этотъ терминъ для обозначенія мѣста молитвенныхъ собраній встрѣчаемыхъ и въ писаніяхъ мужей Апостольскихъ.

первоверховныхъ апостоловъ, мы не видимъ никакого противорѣчія въ положеніяхъ: а) церковь есть царственное священство и б) въ церкви есть особенный чинъ священниковъ—іерархи, поставляемые въ этотъ чинъ особымъ благодатно таинственнымъ актомъ—хиротонією. Впрочемъ мы не считаемъ нужнымъ предпринимать дальнѣйшихъ усилій въ защиту вѣрности своего взгляда на отношеніе этихъ апостольскихъ заповѣдей, а считаемъ болѣе важнымъ привести на память одну изъ древнѣйшихъ чиновъ совершенія новозавѣтной жертвы, изъ котораго можно видѣть, какъ въ дѣйствительности, т.-е. самымъ дѣломъ, церковь исполняла эти апостольскія заповѣди.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду литургію Апостольскихъ Постановленій—памятникъ, имѣющійся въ русскомъ переводѣ, но къ сожалѣнію далеко не такъ извѣстный, какъ онъ этого заслуживаетъ.

Литургія этого памятника раздѣляется на двѣ части: первая состоитъ въ изложеніи молитвъ объ оглашенныхъ, одержимыхъ духами и кающихся и излагается отъ лица Апостола Андрея; вторая, называемая *Анафорѣ*—возношеніе, изображаетъ чинъ приношенія жертвы и причащенія и излагается отъ лица Апостола Іакова.

Мы ограничимся изложеніемъ этой второй половины съ опущеніемъ дов. длинныхъ молитвъ, произносимыхъ епископомъ.

По удаленіи изъ храма оглашенныхъ и кающихся, когда въ собраніи остаются клиръ и вѣрные, „діаконъ говоритъ: вонмемъ! а епископъ пусть привѣтствуетъ Церковь и говоритъ: „миръ Божій со всѣми вами“, а народъ пусть отвѣчаетъ: „и со духомъ твоимъ“.

Діаконъ пусть скажетъ всѣмъ: „лобзайте другъ друга лобзаніемъ святымъ“.

И пусть лобзають клирики епископа, міряне мужчины—мужчинъ, женщины—женщинъ, а дѣти пусть станутъ къ амвону, а при нихъ пусть стоитъ другой діаконъ чтобъ не производили они безпорядка. Другіе же діаконы пусть обходятъ и смотрятъ за мужчинами и женщинами, чтобы не было какого шума и чтобы никто не поговаривалъ, не шептался, не дремалъ. Діаконы же пусть стоятъ при дверяхъ мужчинъ, а чподіаконы при дверяхъ женщинъ, чтобы во время *возно-*

шенія никто не выходилъ и чтобы не отворялась дверь, хотя бы пришелъ кто вѣрующій. А одинъ учодіаконъ пусть подаетъ священникамъ омовеніе рукъ—знакъ чистоты душъ посвященныхъ Богу.

И я, Іаковъ, братъ Іоанна Зеведеева, говорю, чтобы діаконъ тотчасъ говорилъ: Да никто отъ оглашенныхъ, да никто отъ послушающихъ, да никто отъ невѣрныхъ, да никто отъ инославныхъ. Первую молитву совершившіе изыдите. Матери возьмите дѣтей. Да никто на кого, да никто въ лицемѣрїи. Прости (*ἄρθοι*) стоя ¹⁾ ко Господу со страхомъ и трепетомъ станемъ приносить ²⁾.

По совершеніи сего діаконы пусть приносятъ дары епископу къ жертвеннику, а пресвитеры пусть стоятъ по правую и лѣвую сторону его, какъ ученики, предстоящіе учителю: два же діакона съ той и другой стороны жертвенника пусть держатъ изъ тонкихъ кожъ или изъ павлиновыхъ перьевъ, или изъ полотна ршнды и тихо отгоняютъ малыхъ летающихъ животныхъ, чтобы не попали въ чаши. И такъ архіерей вмѣстѣ съ іереями, одѣвшись въ свѣтлыя одежды и стоя предъ жертвенникомъ, сдѣлавъ рукою знаменіе креста на челѣ, пусть *скажутъ*:

— „Благодать Вседержителя Бога и любовь Господа нашего Іисуса Христа и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами“.

— И всѣ согласно пусть *скажутъ*: „и со духомъ твоимъ“.

— Архіерей: „горе умъ!“

— Всѣ: „Имѣемъ ко Господу“.

— И Архіерей пусть *скажетъ*: Достоинно и праведно прежде всѣхъ восхвалять Тебя истинно сущаго Бога, прежде тварей суща, изъ Него же всякое отечество на небѣ и на землѣ именуется, Единаго перожденнаго, безпачальнаго, и владыки не имущаго нужды чуждаго... Тебѣ покланяются безчисленныя воинства ангеловъ... непрестанно вопія).

— И весь пародъ вмѣстѣ скажетъ: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Ёго, благо-словенъ во вѣки, аминь“.

¹⁾ „Стоя прямо предъ Господомъ“.

²⁾ „Станемъ добре, станемъ со страхомъ, возвемъ, святое воззновеніе въ мирѣ приносить“—гласитъ современный чпвъ Лигурги.

— И архіерей говоритъ далѣе: святъ еси во истину и т. д.).

— И весь народъ да скажетъ: „аминь“.

— И епископъ да скажетъ: „Миръ Божій буди со всѣми вами“.

— И весь народъ да говоритъ: „и со духомъ твоимъ“.

... И діаконъ снова да провозглашаетъ:

„Опять и опять помолнимся Богу Христомъ Его. О даръ семъ, принесенномъ Господу Богу помолнимся, чтобы благіи Богъ принялъ его ходатайствомъ Христа Его въ пренебесный свой жертвенникъ въ вою благоуханія. О церкви сей, и людяхъ помолнимся...“

— И епископъ да говоритъ: Боже великій и великоименитый... призри на насъ и на стадо Твое сіе...

— И когда всѣ скажутъ: „аминь“, діаконъ да говоритъ: „возвемъ“! *Епископъ* же да пригласитъ къ людямъ: „народъ же послушно да отвѣчаетъ: „Единъ святъ, Единъ Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца, благословенъ во вѣки аминь. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе. Осанна Сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ, осанна въ вышнихъ“.

— Послѣ сего пусть причащается епископъ, потомъ пресвитеры, діаконы, вподіаконы, чтецы, пѣвцы, аскеты, а между женщинами — діакониссы, дѣвы, вдовицы, потомъ дѣти, а за тѣмъ весь народъ по порядку, со стыдливостью и благоговѣніемъ безъ шуму.

Епископъ же пусть преподаетъ приношеніе, говоря: „Тѣло Христово“, а принимающій пусть говоритъ: „аминь“. Діаконъ же пусть держитъ чашу и подавая пусть говоритъ: „Кровь Христова, чаша жизни“, а пьющій пусть говоритъ: „аминь“. Во время же причащенія всѣхъ прочихъ пусть говорятъ 33 псаломъ ¹⁾. А когда причастятся всѣ мужчины и женщины, діаконы, взявъ останки, пусть внесутъ ихъ въ притворъ. По окончаніи псалмопѣнія, діаконъ пусть говоритъ: „причастившіеся честнаго Тѣла и Честныя Крови Христовой возблагодаримъ сподобившаго насъ причаститься святыхъ Его таинъ и помолнимся—не въ судъ, но во спасеніе намъ быти, въ пользу души и тѣла, въ стражбу благочестія, во оставленіе

1) Благословлю Господа на всякое время.

грѣховъ, въ жизнь будущаго вѣка. Востанемъ. Въ благодати Христовой сами себя Богу, Единому, Нерожденному Богу, и Христу Его предадимъ“. И Епископъ пусть благодарить: „Владыко Боже Вседержителю.. и проч.

И діаконъ пусть скажетъ: изыдите въ миръ“ ¹⁾.

Такова обрядность принесенія новозавѣтной безкровной жертвы; таковъ новозавѣтный храмъ (*ἐπισκοπή*), новозавѣтный жертвенникъ и образъ служенія новозавѣтнаго священства.

Когда установилась эта обрядность? Наука не даетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ: можетъ быть въ IV²,—V³ вв., но вѣроятнѣе она складывалась много ранѣе, постепенно и только къ означенному времени завершилась въ тѣхъ деталяхъ, съ какими записана авторомъ VIII-й книги Апост. Постановленій. Интересъ здѣсь не въ болѣе или менѣе глубокой древности этого чина литургіи, а въ ея точномъ соотвѣтствіи тѣмъ началамъ, какія формулированы въ цитированныхъ словахъ посланій Ап. Петра и посланія къ Евреямъ. Этотъ чинъ—наглядный ихъ комментарий.

Начнемъ съ личнаго состава участвующихъ въ приношеніи и причащеніи безкровной жертвы.

Сюда принадлежать: епископъ, пресвитеры, діаконъ, чинодіаконъ, чтецы, пѣвцы, аскеты, изъ женщинъ діакониссы, дѣвственницы, вдовицы, далѣе дѣти и вѣрныи народъ—мужчины и женщины ²⁾. Тщательно удалены изъ этого состава: оглашенные (трехъ разрядовъ: слушающіе, готовящіеся къ крещенію и колѣпопреклопяющіе) далѣе одержимые отъ злыхъ духовъ и кающіеся. Эти лица еще не получили права, (или на время устраниены — кающіеся) участвовать въ приношеніи, и въ причащеніи жертвы, какъ и „служащии сѣни“ и всѣ иновѣрные (язычники и еретики).

Имѣя въ виду уже одинъ этотъ составъ всѣхъ чиновъ (*τύχια*) церкви, естественно поставить вопросъ: кто же приноситъ новозавѣтную жертву? Отвѣтъ не труденъ: никто изъ состава церкви не исключенъ отъ этого акта, слѣдов. каж-

¹⁾ Апост. Пост. VIII, 12. По Русск. пер. 267—261.

²⁾ Этотъ составъ близко подходитъ къ составу Церкви половины III-го вѣка, изображаемому въ письмѣ Корнилія еп. Римскаго (Евсевій: II. Исторію, VI, 43).

дый изъ присутствующихъ въ собраніи совершаетъ его,—но въ своемъ мнѣніи. Тотъ же отвѣтъ получится и изъ разсмотрѣнія деталей священнослуженія. Предъ началомъ священнодѣянія собраніе приглашается „стать прямо предъ Господомъ“ (предполагается, что ранѣе нѣкоторые, если не все и сидѣли); предлагается далѣе вникнуть въ свое духовное настроеніе—мирно ли оно: „да никто на кого, да никто въ лицемѣри“¹⁾). Только такъ настроенное собраніе можетъ достойно совершать приношеніе.

Самое совершеніе приношенія состоитъ въ славословіяхъ, произносимыхъ епископомъ *вслухъ* и соответствующихъ отвѣтахъ всего предстоящаго собранія: „аминь“, или же болѣе сложныхъ: „благодаримъ Господа“, „Единъ святъ“ и т. д. равно какъ въ приглашеніяхъ и возгласеніяхъ діакона и соответственныхъ имъ дѣйствіяхъ собранія. Достопримѣчательно, что дѣйствіе епископа и народа обозначается однимъ терминомъ: „говорить“, или „скажетъ“.

Да, въ совершеніи новозавѣтной жертвы участвуютъ дѣятельно все, составляющіе собраніе: здѣсь нѣтъ пассивныхъ зрителей.

Такъ совершалась литургія въ древней церкви.

Но не такъ ли совершается она и въ настоящее время во всехъ православныхъ восточныхъ церквахъ? ²⁾ Мало того—не такъ ли совершаются и все общественныя и частныя таинства и молитвословія въ православныхъ церквахъ? „Молитвенно призываютъ міряне, какъ и священники найти Святаго Духа на воду крещенія; они молятъ, какъ и свя-

1) Въ *Лѣт. г. доб. Ап.* „Собравшись вмѣстѣ преломите хлѣбъ и благодарите, исповѣдавши прежде грѣхи свои, дабы чиста была жертва ваша“ (гл. 14). По нѣкоторымъ древнимъ монастырскимъ чинамъ въ этотъ моментъ братія приносила исповѣдь грѣховъ и взаимно просила прощенія.

2) Правда, въ современныхъ чинопослѣдованіяхъ и способѣ совершенія литургіи введены нѣкоторыя видоизмѣненія прототипа, записаннаго въ Ап. Постановленіяхъ, благодаря которымъ міряне, присутствующіе на литургіи, какъ будто обречены на пассивное созерцаніе того, *что и какъ* совершаетъ *служащій клиръ*. Но вѣдь какъ легко устранить эти видоизмѣненія, чтобы возстановить характеръ апостольской литургіи! Стоять только молитвы, читаемыя теперь тайво, произносить *вслухъ*, совершать литургію при отвертыхъ царскихъ вратахъ (какъ это и дѣлается во время пасхальной недели) и ввести всенародное цѣніе.

щенники, чтобы вода эта стала банею возрожденія для крещаемого, чтобы крещаемый явился сыномъ свѣта и настѣдникомъ вѣчныхъ благъ. Въ таинствѣ покаянія вмѣстѣ съ священникомъ испрашиваютъ кающемуся оставленіе грѣховъ и возвращеніе его въ церковь. Они призываютъ благодать Духа на брачуущихся, и—благодать исцѣленій на болящихъ въ елеосвященіи... Какъ участвующіе во всѣхъ священнодѣйствіяхъ церкви они исполняютъ и священническое служеніе: ибо и священникъ въ свою очередь совершаетъ только молитвы, общія съ церковію и скрѣпляемая ею. Оттого то Ап. Петръ всѣхъ вѣрующихъ, всѣхъ взятыхъ въ удѣлъ, всю церковь, а не однихъ только пресвитеровъ, называетъ „царственнымъ священствомъ“. Оттого то въ основаніи, какъ согласное писанію, справедливо и восклицаніе Тертуллиана: *Nonne et laici sacerdotes sumus!* ¹⁾ Но оно справедливо только въ основаніи и въ обоснованіи его на словѣ Божіемъ, а отнюдь не въ дальнѣйшемъ развитіи, которое и само по себѣ является исповѣданіемъ религіознаго индивидуализма и не сознательнымъ отрицаніемъ церкви. „Писано—говоритъ Тертуллианъ—и сдѣлалъ насъ царями и священниками Бога и Отца своего. Различіе между клиромъ и народомъ установило *власть церкви* и часть собранія клира. Оттого гдѣ нѣтъ собранія клира (*ubi ordines non sunt consessus*) будь себѣ самому и приносящимъ и помазующимъ и священникомъ. Но гдѣ трое т. е. мірянъ, тамъ—церковь“ ²⁾.

Глубокая ошибочность вывода изъ вѣрной послылки состоитъ въ томъ, что родовой признакъ собирательнаго цѣлаго сочтенъ здѣсь исключаящимъ необходимость видового и индивидуальнаго различія. Въ силу такого мышленія выходитъ, что разъ цѣлая общественная единица напр. *народъ* признается богатымъ, образованнымъ, необходимо будто бы слѣдуетъ заключать, что и каждый индивидуумъ, составляющій это цѣлое, въ тождественной мѣрѣ богатъ и образованъ, какъ и всѣ прочіе. Такъ мыслить, конечно, нельзя. Быть царственнымъ священствомъ предназначался и еврейскій

¹⁾ „Развъ и міряне—не священники!“

²⁾ De exhort. castit. 7). Н. П. Аксаковъ: Преданіе церкви и преданіе школы. Стр. 234—235. Странное понятіе о церкви: церковь есть *собраніе*; но три—развъ составляетъ собраніе! Странное понятіе и о священникѣ—для себя!

народъ; но развѣ это назначеніе исключало въ немъ различіе первосвященника, іереевъ левитовъ и народа?

Задача церкви какъ цѣлаго—быть царственнымъ священствомъ въ человѣческомъ родѣ, или во всемъ человѣчествѣ, именно и требуетъ гармоническаго сочетанія безконечно разнообразныхъ индивидуальныхъ духовныхъ дарованій, образуемаго единствомъ цѣли—„возвѣщать совершенство (Бога), призвавшаго изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ“, приносить свои духовныя дарованія въ „жертву хвалы Богу“. Точно также величіе и святость дѣла требуютъ раздѣленія общаго дѣланія по разрядамъ или чинамъ (*ταγμα*) дѣлающихъ.

Поэтому „жертву хвалы“ приносить и приступаетъ „къ престолу славы“, къ горѣ сіонской, ко храму Бога живаго Іерусалиму небесному“—видимымъ образомъ котораго служитъ христіанскій „жертвенникъ“, не только стоящій во главѣ церковнаго собранія (*ἐπιθυσιαστήριον*) епископъ и около него стоящіе пресвитеры, не только діаконы, изъ которыхъ одни служатъ близъ жертвенника, другіе наблюдаютъ за порядкомъ въ средѣ предстоящаго народа, но и каждый изъ этого разряда, обновленный искупительною Кровію Христа, каждая вдова, сама представляющая „жертвенникъ Божій“¹⁾ каждый юноша, мальчикъ, дѣвочка, вмѣстѣ съ взрослыми взывающіе „Осанна Сыну Давидову; Слава въ вышнихъ Богу“.

Да, всѣ эти лица, собранные въ повозавѣтный храмъ, и объединяемые въ исповѣданіи имени Божія Единымъ Духомъ Божиимъ, подаваемымъ вѣрующему во Христа, исполняютъ свое служеніе Богу, каждый въ мѣру силъ своихъ и своихъ дарованій. Они всѣ—священники. Но исключаетъ ли это *родовое духовное единство* разность церковно-богослужебнаго положенія при совершеніи жертвы? Нѣтъ и нѣтъ. Оно то напротивъ и требуетъ ея. Неужели всѣ пророки, неужели всѣ апостолы? Нѣтъ; но „однихъ поставилъ Богъ апостолами, другихъ пастырями, иныхъ учителями и т. д.“²⁾ „Членовъ много, а тѣло одно“, но если такъ, то „не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не подобна. или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“³⁾.

¹⁾ Апост. Постановл. III, 6.

²⁾ 1 Кор. XII, 28.

³⁾ 1 Кор. XII, 21.

Отсюда понятна нелѣпость вопроса: если соберутся три мірянина и отдѣлившись отъ церкви совершать преломленіе хлѣба—составятъ ли они церковь и совершать ли безкровную жертву? Конечно нѣтъ; не только три, но если бы собралось ихъ и 30, и 300, они образовали бы не церковь противъ церкви, не избранный народъ Божій (*λαός Θεοῦ*) и царственное священство ¹⁾, а мятежную толпу (*ἄλλος*).

Не было церкви безъ апостоловъ, не было ея безъ іерархіи; безъ нихъ не было христіанской жертвы и Богослуженія и быть не можетъ. Но точно также и одна іерархія, одни священники безъ народа не составляютъ церкви: она составляется изъ тѣхъ и другихъ ²⁾.

Но вѣдь религія Христа есть религія *духа*; вѣдь Христосъ есть Единый Великій Архіерей, однажды принесшій Себя въ жертву; къ чему же еще жертвы? Вѣдь „Богъ есть Духъ и покланяющіеся Ему должны покланяться духомъ и истинно (Іоан. IV, 24)? Для чего же новый алтарь, новый храмъ, новое священство?

„Сіе (т. е. преломленіе хлѣба и благословеніе чаши) творите въ Мое воспоминаніе (Лук. XXII, 19. 1 Кор. XI, 23—26). „Образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите (Іоан. XII, 13)—сказалъ Господь.

Нужно это дѣлать „по учрежденію Господню“.

Именно для того, чтобы покланяться *духомъ* требуется, чтобы съ нимъ покланялось и *тѣло* духомъ проникнутое, имъ себѣ порабощенное, а не оставалось безучастнымъ жизни духа, чтобы „вѣруя сердцемъ“ и устами приносить жертву хвалы и благодаренія.

Самъ Богъ—Премудрость въ плоти явился роду человѣческому, чтобы обожить насъ еще въ тѣлѣ живущихъ. И потому мы должны прославлять Его не только въ душахъ, но и тѣлахъ нашихъ; ибо и послѣдніе также—Божіи, какъ и первыя и ихъ должно сдѣлать храмами Св. Духа и никакими другими средствами не возможно сдѣлать такого преображенія нашей тѣлесной и духовной природы, какъ причащеніемъ Безкровной Жертвы.

„Давый пищу мнѣ Плоть Твою волею, огонь Сыи и опаляяѣ

¹⁾ Апост. Пост. V, 14.

²⁾ Апост. Пост. VIII, 1.

недостойныя, да не опалиши мене, Содѣтелю мой: паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, въ сердце: попали терніе всѣхъ моихъ прегрѣшеній. Душу очисти, освяти помышленія. Составы утверди съ костьми вкушѣ. Чувствъ просвѣти простую пятерицу. Всего мя сопригвозди страху Твоему. Присно покрый, соблюди же и сохрани мя отъ всякаго дѣла и слова душетлѣннаго. Очисти и омой, и украси мя, удобри, вразуми и просвѣти мя. Покажи мя Твое селеніе единаго Духа и не кому селеніе грѣха. Да яко Твоему дому, входомъ причащенія, яко огня мене бѣжитъ всякъ злодѣй, всяка страсть“¹⁾.

Таково желаемое дѣйствіе новозавѣтной жертвы, вкушать которой не имѣютъ права служащіи сѣни, а—одни только „вѣрные“, т. е. полноправные члены церкви отъ епископовъ и старцевъ до младенцевъ включительно.

Такъ всеобъемлюща социрующая сила новозавѣтнаго жертвенника! Такъ просто и общечеловѣчно устройство его! Казалось бы, какъ легко по всей вселенной водрузить эти жертвенники и объединить все человѣчество духовнымъ родствомъ братства подъ главенствомъ Единаго Ходатая и священника предъ Отцомъ—Господа Иисуса Христа.

А между тѣмъ, что представляетъ христіанская дѣйствительность въ настоящее время? Какая глубокая рознь господствуетъ въ самомъ понятіи о христіанской жертвѣ! Изъ какихъ мелочныхъ деталей евхаристическаго ритуала расходятся до дикой вражды цѣлыя церкви, а внутри церквей—распри и расколы о первенствѣ—кто большій и кто старѣйшій другаго; въ чемъ состоятъ права и преимущества епископовъ, клира, монашествующихъ и мірянъ“.

Намъ думается, что значительную долю такой розни въ средѣ самого христіанства слѣдуетъ отнести невѣжественному, неосмысленному отношенію къ церковнымъ таинствамъ вообще и къ литургіи въ особенности. Какую горькою правдою звучать слѣдующія слова покойнаго Н. П. Аксакова: „Къ стыду нашему надо сказать, что изъ современныхъ намъ христіанъ (говоримъ о православныхъ, ибо къ чему судить внѣшнихъ, которыхъ судить Богъ?) громадное большинство даже не знаетъ съ полною опредѣленностью, отъ чего соб-

¹⁾ Послѣдованіе ко Св. Причащенію. Молитва (3) Метафраста.

ственно на всю жизнь отrekliсь они при крещеніи, что подвергали они оплеванію, какія обязательства они на себя принимали и опять на всю жизнь, а не на время, предшествующее погруженію въ купель и принятію печатей дара Духа Святаго. Да и о дарѣ Духа Святаго помышляютъ они столь же мало, какъ и получившіе крещеніе Іоанново, которыхъ встрѣтилъ на пути своемъ Ап. Павелъ, и которые даже не слыхали, есть ли Духъ Святой (Дѣян. XIX, 2, 3, 4). Чинъ крещенія во всѣхъ своихъ подробностяхъ не стоитъ выну предъ внутренними очами крещенныхъ въ теченіе всей ихъ жизни, ибо они не вникаютъ въ него, да въ большинствѣ случаевъ и не знаютъ. Онъ не преподается въ школь, не стоитъ въ учебникахъ, не разъясняется съ подлежащею полнотою, не составляетъ предмета церковнаго поученія. Между тѣмъ онъ долженъ былъ бы изучаться каждымъ крещенымъ христіаниномъ по крайней мѣрѣ такъ же какъ изучается, точнѣе какъ долженъ бы былъ изучаться чинъ евхаристіи. Должны же мы знать, отъ чего отrekliсь мы, хотя бы устами своихъ воспріемниковъ, на что простирали мы руки, какъ бы стремясь на вѣкъ отъ него оградиться, что подвергали мы оплеванію, къ чему становились мы спиною, чтобы уже не возвращаться къ нему, на вѣкъ его покидая. Должны же мы знать, какія принимали мы на себя обязанности становясь, хотя бы чрезъ своихъ воспріемниковъ, лицомъ къ востоку, къ встрѣчающему насъ новому міру, въ который намѣревались вступить. Должны же мы знать, какую полную, утроенною мѣрою благодати Духа Святаго (Лук. VI, 38, Іоан. III, 34) одаряетъ насъ Богъ при крещеніи, какую „благодать на благодать“ принимаемъ мы отъ Него. Сами крещающіе и помазующіе не даютъ себѣ вполне яснаго и опредѣленнаго отчета о томъ, какую полноту благодати и даровъ Духа Святаго молитвенно пизводятъ они на крещаемаго и помазуемаго, позабывая свидѣтельство Петра, что Духъ низшелъ на Корнилія сотника и на весь домъ его, такъ же какъ и на нихъ въ началѣ, т. е. въ день Пятидесятницы и данъ былъ имъ такой же даръ, какъ и намъ (Дѣян. XI, 15—17; X, 47), и не безъ нѣкотораго высокоумія и сознанія превосходства взираютъ на крещенныхъ и помазанныхъ ими, если они остаются въ званіи и чинѣ мірянъ, т. е. членовъ церковнаго народа (*laïques*). Отсюда все цестроенія церковныя.

отсюда „высокомѣріе начальствующихъ“, котораго не должно было бы быть въ церкви и „отторженность другъ отъ друга тѣхъ, кому надлежало бы быть членами другъ другу“, вызывавшія многократный плачь самого Златоуста, какъ и засвидѣтельствовалъ онъ самъ предъ нами“¹⁾.

Если бы крещеніе, хиротонія и евхаристія совершались съ подобающею имъ древне-каноническою торжественностію при подобающемъ каждому чину церковнаго состава дѣятельномъ религіозномъ участіи, если бы при этомъ и школа сообщала православнымъ дѣтямъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ великихъ таинствахъ, и так. обр. каждый членъ православной церкви съ „младыхъ ногтей“ и теоретически и практически (въ школѣ и церкви) постоянно зналъ и памятовалъ, какъ высоко его званіе, даруемое ему церковію, какъ не трудно и отраднo употреблять небольшіе сравнительно усилія къ тому, чтобы ходить достойно своего званія въ часы праздничнаго отдыха: какъ высоко поднялась бы тогда народная нравственность, уваженіе къ личности, навыкъ общественной дисциплины, внутренній миръ, человѣколюбіе и вообще—благородство нравовъ!..

Да, мы перестаемъ любить свою церковь по мѣрѣ возрастанія нашего невѣжественнаго отношенія къ ея установленіямъ.

Мы отмѣтили существенные признаки въ понятіи церковнаго права, главѣйшія, элементарныя формы церковной организаціи (состава церковнаго тѣла), значеніе іерархическаго элемента, отношеніе между посетителями его и младшими членами. Мы старались при этомъ быть точными и вѣрными первоисточникамъ, ничего не уменьшая, ничего не преувеличивая, ничего не замалчивая, и главное—старались совершенно отрѣшиться отъ давленія современности въ моменты устраниенія своего созерцанія въ глубокую первохристіанскую древность.

Вопреки Зому, мы усмотрѣли здѣсь элементъ „права“, (но не государственнаго) и элементъ „начальствованія“ (а не властвованія). Эти элементы—не плодъ нашей субъективной идеализаціи первохристіанскаго общественнаго строя, а жи-

¹⁾ Н. П. Аксаковъ: Предавіе церкви и предавія школы, стр. 187. примѣч Сергіевъ Посадъ 1910.

вая реальность, какъ она отобразилась на всегда въ сохранившихся письменныхъ его памятникахъ. Такая реальная организациа видимой церкви, Христомъ основанной и „названной“ Апостолами и пророками, вѣрно исполнила высокую задачу быть „царственнымъ священствомъ“ среди „лежащаго во злѣ міра“ и освѣтила этотъ міръ.

Въ IV в. грекоримское государство признало церковь, ея право, ея іерархію, всю организациу. Послѣ упорной кровавой борьбы—наступило мирное сосуществованіе двухъ социрующихъ человѣческой родъ силъ — церкви и государства, результатомъ такого сосуществованія явился обмѣнъ правовыхъ и іерархическихъ элементовъ того и другаго. Государство стало христіанизироваться церковію, церковь омѣщаться рецепціей правовыхъ и властительныхъ элементовъ государства. Не имѣвшіе права собственности, христіанскіе храмы и благотворительныя учрежденія сдѣлались привилегированными собственниками. Епископы и клиръ кромѣ должностныхъ полномочій и правъ, стали получать почетныя титулы и права а не рѣдко и полномочія государственныхъ должностныхъ лицъ; догматы и каноны церкви получили силу и значеніе государственныхъ законовъ; административныя мѣропріятія и судебныя рѣшенія церковной власти стали обезпечиваться въ исполненіи помощью полицейской власти; церковное отлученіе — сопровождаться пораженіемъ гражданскихъ правъ, а иногда и уголовными карами.

Какъ смотрѣть на этотъ обмѣнъ правовыми элементами между государствомъ и церковію, необходимо наступающій при дружественномъ союзѣ ихъ? Не утрачивается ли чрезъ него нравственная чистота принциповъ Церкви съ одной стороны, и не воспринимаетъ ли въ себя само государство такихъ элементовъ, которые ослабляютъ его природу безпристрастнаго властвованія во имя права?

Какъ показываетъ давній опытъ, отрицать невыгодныхъ условій такого обмѣна во многихъ отношеніяхъ нельзя. По этому не лучше ли признать нормальнымъ совершенно раздѣльное существованіе государства и церкви?

Въ настоящее время положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нерѣдко привѣтствуется, какъ послѣднее слово исторической науки и науки права. Лозунгъ: „да будетъ

свободная отъ государства церковь въ свободномъ отъ церкви государствѣ“ не рѣдко привѣтствуется и съ политическихъ трибунъ, какъ цвѣтокъ политическаго генія...

При всей кажущейся мудрости и красотѣ эта формула въ сущности своей рекомендуетъ лишь грубый пріемъ разсѣченія плотно перепутавшихся религіозно-политическихъ отношеній, а отнюдь не мастерское ихъ распутываніе.

Религія и политика могутъ быть *мыслимы* раздѣльно существующими, по въ *дѣйствительности* они не раздѣлимы также точно какъ въ живой человѣческой личности не раздѣлимы душа и тѣло. Безрелигіозное государство—или умирающая организація, или просто не мыслимо. По формѣ своей оно можетъ не признавать какого-либо опредѣленнаго вѣроисповѣданія, по существу же составляющія его единицы непременно поклоняются въ крайнемъ случаѣ „невѣдомому Богу“, т. е. бессознательно рабствуютъ передъ принципами, корни которыхъ гнѣздятся въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи, или—въ нѣсколькихъ. Внутреннею связью между религіею и политикою служитъ именно *право*, безъ господства котораго не мыслима ни какая человѣческая ассоціація и прежде всего государство. Право есть основа государства, но гдѣ основа права? Прежде всего—въ религіи. Гдѣ гарантія права? Опять—прежде всего въ религіи и только уже потомъ—въ исключительныхъ случаяхъ—въ вооруженной силѣ. Гдѣ слаба религіозность, тамъ государство должно усиливать полицію и войска для защиты права внутри собственной территоріи. Посему государство отталкивая религію, подкапываетъ фундаментъ, на которомъ стоитъ.

Церковь по существу своему не можетъ не быть социальнымъ цѣлымъ и даже очень великимъ цѣлымъ: „Да будутъ вси—едино“. Аще Авъ вознесеть буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ“. Тысячелѣтній опытъ показалъ, что социирующая сила Церкви нисколько не уступаетъ социирующей политической силѣ. Но основы ассоціаціи и средства социирования у нея инородны по сравненію съ государствомъ. Въ силу этой инородности нормальное отношеніе между государствомъ и церковью—не конкуренція и вражда, а гармоническій союзъ. „Благо, когда Алтарь и Престоль союзны“, хотя „Алтарь не боится паденія и безъ этого союза“... Какъ же установить это желательное отношеніе? Задача — слож-

ная и трудная, но не неразрѣшимая. И если испытанныя доселѣ формы единенія между ними представляются не удовлетворительными, то эти неудачные опыты прошлаго должны служить лишь побужденіемъ къ изысканію лучшихъ средствъ, а отнюдь не къ отрицанію самой задачи единенія. Все дѣло въ томъ, чтобы въ взаимномъ обмѣнѣ вліяніями двухъ союзниковъ одному не захватывать отъ другого въ свое владѣніе того, что ему не только не нужно, но и положительно вредно. На сколько въ этихъ видахъ необходимо глубокое изученіе церковнаго права, берущаго на себя задачу уяснить именно соціальную природу церкви—разъяснить излишне.

Н. Заозерскій.
